

А. Е. Кибрик

(МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва)

**ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ИСТОРИИ 2:
НАЧАЛО ДАГЕСТАНСКИХ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ШТУДИЙ
(1973)**

В статье [Кибрик 2007], которую можно было бы теперь назвать «Экспедиционные истории 1», я писал о начале своего экспедиционного увлечения и первых пяти экспедициях ОСиПЛа (1967–1971), в которых вынашивалась методология полевой работы¹ и собирался материал по хиналугскому и арчинскому языку. Грамматики этих языков были созданы и позднее опубликованы в виде монографий [Кибрик и др. 1972]; [Кибрик и др. 1977].

Далее наши экспедиции переместились с Кавказа далеко на восток, на Камчатку, с целью изучения одного из чукотско-камчатских языков — алюторского. Первые две алюторские экспедиции состоялись в 1971–1972 годах. Алюторский язык поразил нас своей структурной и концептуальной необъяснимостью, рушившей сложившиеся представления о том, чего не может и что может быть в произвольном языке. Стало ясно, что разобраться со всеми этими «чудесами», если это вообще в какой-то мере удастся, будет нелегко, а над нами нависал еще старый долг — недописанная грамматика арчинского языка. В этой ситуации было решено отложить на потом алюторское предприятие (в итоге оно затянулось на десятилетия и заслуживает отдельного рассказа²) и решительно изменить экспедиционную тематику. О том, как это происходило и как формировался новый этап нашей экспедиционной жизни, я и хочу сейчас рассказать. Речь пойдет об экспедиции 1973 года, девятой от начала экспедиционной эпохи, четвертой по дагестанскому исчислению и первой среди словарных экспедиций.

Начиная с первой арчинской экспедиции, все принципиальные решения я принимал совместно с Сандро Кодзасовым (которого я позволю себе далее именовать просто Сандро). С Сандро нас связывала многолетняя тесная дружба со студенческих лет, с незабываемой поездки на

---

¹ Методологическая база и иллюстрирующие ее результаты представлены в [Кибрик 2004]. В настоящей же публикации я преследую другую цель: по возможности не занудно рассказать об одном экспедиционном проекте с точки зрения его участника, прожившего не один год с этим проектом и в этом проекте.

² Немного о нем говорится в контексте одного из замечательных экспедиционеров — И. А. Мельчука, см. [Кибрик 2005].

уборку картофеля в колхоз «Молочный гигант». Это было далекой осенью 1957 года. Всех мужиков нашего курса поселили в отсеке свинарника, от резкого запаха в котором захватывало дух как от нашатыря. Кроме нас, в свинарнике проживало более тысячи колхозных свиней. Как и племя наших сожителей, мы также не имели стационарного туалета, прячась при нужде за круглыми компостными башнями. Настоящая жизнь начиналась после ужина, когда Юра Ефимов, профессорский сынок и главный бузотер на курсе, подхватывал на плечо свой огромный «Днепр-9», направляясь вместе с Сандро, блестящим танзором, к женской части курса, обитавшей в зернохранилище, пленять публику неистовым роком под новейшие магнитофонные пленки, а я довольствовался грохотом музыки и светскими беседами, не подозревая, что где-то тут же находится не просто Нина Коваль, староста курса, а моя будущая жена и главная незримая опора всех будущих пока еще не запланированных экспедиций. Кстати, на всю жизнь ей запомнилось, как Сандро, всегда встававший раньше всех, каждое утро также начинал с посещения женского жилища, в данном случае с пустым ведром, в гулкое днище которого он колотил, объявляя побудку.

Немало времени проводили мы и в нашем родном свинарнике, где я, почти незнакомый с напитками, впервые вкусил романтику распития трех бутылок на троих, где Костя Эрастов с ром-герма, мыслитель и интеллигент, будущий отец девяти детей, по вечерам проникновенно пел «Таганку», размахивая руками и раскачиваясь на нарах.

Однако с тех пор прошло уже пятнадцать лет, мы с Сандро совершили не один лыжный поход на русский Север, вместе работали в прикафедральной лаборатории по хоздоговорной тематике, мотались по стране в командировках и наконец объединились под парусами полевой лингвистики. Теперь мы с ним вычисляли формат будущей экспедиции. Примерная логика была такая. Вариант — сделать перерыв в экспедиционной студенческой практике и спокойно завершить арчинское описание (а его объем, как потом оказалось, в итоге превысил 80 печ. листов) — вообще не обсуждался. Речь шла о том, чтобы заняться какой-нибудь более простой для нас проблематикой, например, сбором такого языкового материала, который не требует большой послеекспедиционной обработки.

Какой же выбрать материал? Хотелось бы, чтобы он расширял наши лингвистические знания. А в них имеется серьезный пробел. В экспедициях мы познакомились с двумя дагестанскими языками и не владели данными о языковом разнообразии дагестанских языков в целом. Не удивительно, что в нашем менталитете господствовал арчино- и хиналугоцентризм (насколько он мало помогает на Камчатке, мы только что убедились). Конечно, многое про дагестанские языки мы узнали из литературы, но все равно описания дагестанских языков таковы, что в них масса неясного, сомнительного и противоречивого, немало скрытых и явных лакун. Хорошо бы составить собственное «пилотное» пред-

ставление о структуре дагестанских языков, опираясь на лично собранные и проинтерпретированные данные.

В это время вышла коллективная работа дагестанских кавказоведов [Словарь 1971], на которую Георгий Андреевич Климов уговорил меня написать рецензию в «Вопросы языкознания». Я долго уклонялся, ссылаясь на то, что я не специалист, но в конце концов согласился при условии его соавторства. При более детальном ознакомлении с данным изданием я убедился, что структура словаря во многом плохо продумана, а в действительности из этой темы можно сделать очень полезное многофункциональное справочное издание, и мы можем, учтя все, что было сделано ранее в области дагестанской лексики, а также наш опыт создания словарей хиналугского и в особенности арчинского языка, за это взяться.

Итак, перед нами вставала совершенно новая для нас исследовательская задача: подвергнуть сопоставительному изучению все 26 дагестанских языков, опираясь на единую схему. Постепенно абрис такой схемы стал вырисовываться³.

Основная цель — создание сопоставительного словаря дагестанских языков. Сбор лексики удобнее всего осуществлять на основе тезауруса: когда рассматривается группа близких по смыслу слов, их легче адекватно переводить, а иногда находить и такие слова, которые в тезаурус не включены.

Для единообразной фиксации фонетических оболочек слов нужна единая транскрипция как для бесписьменных, так и письменных языков, адаптированная к дагестанской языковой группе и имеющемуся в ней пространству фонетического варьирования. Нужно также иметь фонологические инвентари всех языков.

Однако, исходя из тривиального тезиса, что словарь и грамматика тесно между собой связаны, нельзя ограничиться только фонетической оболочкой словарной формы слова и ее переводом. В частности, словарь должен содержать морфологическую информацию о словоизменении, позволяющую строить парадигму основных форм каждого слова. Для существительных нужна информация об именном классе, а для глаголов — о модели управления.

Экспедиционной работе предшествовало создание проекта тезауруса, единицы которого являются входами в многоязыковые словарные статьи. Эти входы являются метаязыковыми сущностями, замещающими конкретные значения конкретных слов конкретных языков. Все отступления в конкретных значениях должны специально фиксироваться в процессе сбора лексического материала. Исходный тезаурус имел около тысячи словарных статей. Вся обнаруженная общедагестанская лексика была в него включена. Для этого были расписаны на карточки все единицы, имеющиеся в [Словарь 1971], в сравнительных исследова-

³ Подробное изложение принципов построения сопоставительного словаря содержится в [Кибрик, Кодзасов 1992].

ниях Б. К. Гигинейшвили, с которым мы с Сандро недавно познакомились и подружились, а также в сравнительном словаре [Хайдаков 1973], вышедшем в процессе нашей работы.

Что касается аспектов нашей предстоящей работы, то в каждом исследуемом языке нужно не только собирать лексику, но и заниматься фонетикой, морфологией и синтаксисом.

Фонетика полностью была в ведении Сандро. Я лишь принимал некоторое участие в создании системы транскрипционных знаков. Мы с самого начала кавказских занятий были озабочены проблемой нормативной транскрипции, см. [Кибрик, Кодзасов 1970]. Для наших словарных занятий система знаков была несколько изменена, в основном в сторону ее практического упрощения и учета возможностей тогдашней печатной техники (пишущая машинка, веритайпер со сменными головками).

Сбор данных по формальной *морфологии* (состав грамматических категорий и парадигматических систем, нерегулярное словоизменение) и по некоторым вопросам *синтаксиса* (например, структура элементарного предложения и сентенциальных актантов, правила согласования) осуществляли, как и в предыдущих экспедициях, студенты. Курирование грамматических тем входило в мои обязанности. Я также собирал данные по *типологии эргативности* с середины 70-х годов⁴. Сбор *лексики* осуществляли И. П. Оловянникова⁵ и студенты.

В 1973 году была запланирована первая экспедиция по новой программе. Вставал вопрос, как организовать работу в поле. Если каждому языку посвящать отдельную экспедицию, мы закончим сбор материала к 2000-му году. Плюс объединение всех данных, унификация, проверка ошибок и т. п. Не утопия ли это? В то же время разрастался круг экспедиционеров, многие жаждали продолжать участвовать в экспедициях и после окончания МГУ. И было решено перейти на «многопартийную» систему, имея несколько мобильных партий, параллельно работающих с разными языками. Каждая партия за полевой сезон может также охватить более одного языка.

Когда-то мы прочитали в дагестанской газете объявление о том, что продается, и совсем не дорого, пожарная машина. Шутя, мы фантазировали, не купить ли эту машину и организовать в экспедиции «машинный перевоз». И вот сейчас необходимость в этом практически возникла.

Был разработан план — арендовать в Дербенте грузовик для наших переездов и связи с партиями. Сказано — сделано. Мы нашли по переписке автобазу, готовую предоставить нам требуемый транспорт с оплатой по безналу.

---

⁴ Этот материал публиковался в малотиражных препринтах, а позднее издан в [Кибрик 2003].

⁵ Первоначально предполагалось, что И. П. Оловянникова будет руководить студентами в части сбора лексики, но, к сожалению, с 1978 года она выбыла из проекта.

Чирагское кладбище

Экспедиционный семинар

Машинный перевоз

Рича

До приезда всей группы Саша Барулин, наиболее опытный участник экспедиции, поехал в Дербент принимать машину, а мы с Сандро самостоятельно поехали в Арчи добирать для тезауруса недостающую лексику, отсутствующую в нашем арчинском словаре. Барулин должен был приехать к нам на машине, так сказать, опробовать ее. Он приехал благополучно, хотя шофер Рашид очень ругался на дорогу. Сам он агулец, по центральному Дагестану раньше не ездил, и незнакомая дорога показалась ему страшно трудной.

Когда мы уже собрались уезжать, при развороте машины произошла авария. Лопнула медная тормозная трубка. Эта трубка тянется подо всей машиной, до задних колес. Надо ее было залудить. Кузница в Арчи не работала, и пришлось идти в ближайшее аварское селение. Кузница была очень древняя, с кожаными мехами, всевозможными кузнечными приспособлениями. Произошла успешная смычка традиционной горской технологии с современной автомобильной техникой. Старая техника оказалась спасительной для новой.

Мы успели добраться до Дербента вовремя и встретить поезд с экспедицией. Наш грузовик ГАЗ-51 должен был вместить в свой кузов 20 человек со всем имуществом и продуктами плюс один человек в кабине. Рашид и Сандро проявили максимум смекалки в укладке вещей и рассаживании людей. Гора вещей возвышалась в задней части кузова, а спереди установлены три скамьи, на которых сидели экспедиционеры. Учтена была и конфигурация тел. Сиделись через одного, один коленками вперед по ходу машины, другой — назад. Не пропал ни один сантиметр площади.

Нам предстояло развезти три партии по тракту, проходящему через Хивский, Агульский и Кулинский районы вдоль реки Чирахчай. Сперва мы высадили табасаранскую партию в сел. Кондик, затем агульскую в сел. Рича и, наконец, даргинскую в сел. Чираг.

Каждое из селений очень колоритно и не похоже на другие. Кондик расположен на высоте около тысячи метров, это большое процветающее селение с ковроткаческой фабрикой, где трудится более полусотни ткачих, сидящих за огромными ткацкими станками, на которых ткут многометровые ковры, каждый со своим неповторимым рисунком. Рича — настоящий горный аул, почти единственный с мечетью и минаретом, возвышающийся над трактом на высокой неприступной скале. Чираг — древнее селение с классическими улочками, где трудно разойтись двоим, с замечательной архитектурой. Перед селением вдоль тракта такое же древнее суровое кладбище, где над могилами возвышаются узкие, замшелые от времени камни. Никаких украшений, цветов, деревьев.

В каждой партии был свой начальник (И. П. Оловянникова, М. Е. Алексеев и Дж. Самедов), а мы с Сандро (вместе или поодиночке) курсировали между партиями, инспектируя и руководя работой. Две недели работы распределялись примерно следующим образом. Один-два дня на фонетику, затем 5–6 дней на сбор лексики и потом — работа

по индивидуальным грамматическим темам. Тезаурус был разбит на 5–6 частей, и каждая часть собиралась не менее чем дважды разными сборщиками с разными носителями. Грамматические темы также кустовались, в каждом из кустов был более опытный руководитель и новички.

Через пару недель состоялась всеобщая миграция. Нужно было переехать в Самурский ареал, то есть спуститься почти до Дербента и подняться вдоль реки Самур, где расположены три других запланированных нами языка: лезгинский (сел. Хлют), рутульский (сел. Лучек) и самый дальний цахурский (сел. Микик).

На этом переезде «машинный перевоз» нас весьма изнурил. Вообще наш шофер Рашид и его машина были удивительны. Сам Рашид не сел за руль, не приняв изрядной доли алкоголя. Я каждый раз стоял перед неразрешимой дилеммой: устроить взбучку и отменить поездку до полного протрезвления Рашида или подчиниться воле провидения. Первый вариант в административном плане был единственно правильным. Но отмена поездки была прежде всего по экспедиции: все упаковано, сложено, как питаться и спать, не распаковав пожитки? И где гарантия, что мы задержимся лишь на несколько часов, максимум на день, а не на неделю? На мои увещевания Рашид сказал, что не выпив он не садится за руль, потому что боится упасть в пропасть. — Почему? — Посмотри, у меня тормоза схватывают только после шестого качка. — А как же ты спускаешься? — Если я выпью, я смелый, сумею остановиться и без тормозов. Посрамленный, я вынужден был остаться при втором варианте.

Что касается машины, то Рашид собрал ее своими руками из списанных или выброшенных из-за негодности частей, включая мотор и кузов. Это был для него единственный способ сесть за руль на автобазе. Новой или подержанной машины ему не давали.

Мы загрузили первую партию в Чираге и тронулись. Тут Рашид весело достал что-то правой рукой и показал мне. Это оказался рычаг переключения скоростей. Неплохое усовершенствование управления в придачу к тормозам. Однако это были еще цветочки. Рашид впихнул рычаг в коробку скоростей, и мы поехали. Добрались до Рича, забрали агульскую группу, но через некоторое время произошло что-то нехорошее. Даже Рашид забеспокоился. На малой скорости дотянули до селения и остановились у реки. Рашид полез под машину и огласил диагноз. Сломалась поперечная балка, и мотор, лежащий на ней, вот-вот выпадет. Близился вечер, надо было думать о ночлеге, чем я и занялся. С Рашидом остался искать выход из положения Барулин, его *кореш* по найму. А что должен думать Сандро, ждущий нас в табасаранской партии, о нашем отсутствии? Никаких средств связи нет.

Нас, как водится, приютили жители селения, разделив на мужчин и женщин. Утром приступили к ремонту. Нужна была другая балка. По счастью, нашелся остов грузовика с подходящей частью. Снять эту балку, отвернув все заржавевшие болты, почти без инструментов и приспособлений — задача не из легких. Потом надо вывесить мотор, не имея

лебедки, устранить сломанную балку, заменить ее «новой» и закрепить на ней мотор. Вместо лебедки использовали большой камень, вывесив мотор вручную. Чтобы окончательно не измотать нервы, я старался не наблюдать за ходом ремонта, но где-то во второй половине дня мы продолжили наше путешествие. Вечером произошло воссоединение партий, а утром мы двинулись дальше, усаживаясь в кузове привычным способом.

По дороге пару раз приходилось ремонтировать лысые, как коленка, колеса, демонтируя резину и заклеивая ее. Рашид так уверился в способностях Барулина как слесаря, что поручал заниматься этим ему. Но после ягодок это тоже уже можно было считать новыми цветочками.

Сперва мы высадили в Хлюте лезгинскую партию. Как и Кондик, Хлют расположен скорее в предгорье. Там довольно пологая местность, много высоких деревьев, система арыков пронизывает селение, даже в школьном туалете имеется журчащая арычная канализация. Нас взял под свою опеку местный учитель Микаил Микаилов, яркий представитель горской интеллигенции.

Поднимаемся по тракту вверх до Лучека. Это уже настоящая горная местность. От Лучека дорога резко ухудшается. Она петляет вдоль горной речки, то спускаясь к ней, то взбираясь высоко вверх, огибая подступающие к реке скалы. Последний пункт — Микик, ближайшее цахурское селение, довольно небольшое, с начальной школой, которую мы занимаем практически целиком.

Цикл полевой работы повторяется, а мы с Сандро опять мотаемся от партии к партии, у которых своя жизнь, свои события, свои успехи.

Итак, за первый год мы собрали словарный материал по семи языкам. Довольно приличный улов. Вместе с тем мы с Сандро пришли к ряду выводов.

Во-первых, два языка в сезон для одной партии было бы хорошо, если бы речь шла только о сборе словесных оболочек. Охватить же каркас грамматики двух языков для студентов слишком трудно. Для каждого языка отведен на это малый срок, и почти мгновенное переключение с языка на язык, причем весьма неблизкий, психологически затруднительно.

Во-вторых, работа с хлютским говором лезгинского языка показала, что при нашем нулевом уровне знания литературной нормы, преподаваемой в школе, очень трудно отличать эту норму от говора. Хотя мы многократно говорили, что изучаем говор, а не норму, и просили не давать нам литературных форм, на практике следовать этому не всегда удавалось. Даже учителя родного языка, уверенные в своей способности отделять литературный язык от местного говора, иногда ошибались. В принципе эта проблема чрезвычайно интересна в теоретическом и социолингвистическом⁶ плане, но в нашей ситуации заниматься ей невоз-

---

⁶ Литературный лезгинский язык не совпадает ни с одним диалектом, являясь до известной степени искусственным образованием, совмещающим элементы разных диалектов в разных частях грамматики.

можно. Поскольку объектом исследования в нашем проекте должен быть однородный говор одного селения, в дальнейшем следует избегать ситуаций, когда возможна интерференция с литературным языком, имеющим письменность и изучающимся в школе. В этом случае следует искать диалект, существенно отличающийся от литературного языка. В качестве примера можно привести чирагский диалект даргинского языка. Фактически это диалект лишь по традиционной классификации. Чирагцы литературный даргинский почти не понимают и в свое время добились отмены его изучения в школе как родного языка.

Тем не менее, начало было положено. Сейчас самое время прервать мое повествование. Впереди еще 17 экспедиций, где каждая по-своему уникальна, и 17 лет параллельной работы дома. Забегая далеко вперед, могу сказать, что завершив этот проект, мы с Сандро пришли к заключению, что если бы мы с самого начала знали, в какой изнурительный марафон этот проект выльется, мы бы никогда на него не решились. Иногда незнание, может быть, лучше, чем знание.

Надеюсь, что еще представится случай вернуться к воспоминаниям об этой немалой частице нашей с Сандро сознательной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- Кибрик А. Е.* Опыт структурного описания арчинского языка. Том 2, 3. М., 1977.
- Кибрик А. Е.* Материалы по типологии эргативности // Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб., 2003. С. 451–678.
- Кибрик А. Е.* Методы коллективной полевой работы: Школа филфака МГУ // Вестник Моск. ун-та. 2004. № 6. С. 24–43.
- Кибрик А. Е.* Игорь Мельчук и наши экспедиции // Восток и Запад: 2 международная конференция по модели «Смысл — Текст». М., 2005. С. 219–224.
- Кибрик А. Е.* Диалог лингвиста с носителем: в поисках полевого метода и формата лингвистического описания // На меже меж Голосом и Эхом. Сборник статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян. М., 2007. С. 308–328.
- Кибрик А. Е., Кодзасов С. В.* Принципы фонетической транскрипции и транскрипционная система для кавказских языков // Вопросы языкознания. 1970. № 6.
- Кибрик А. Е., Кодзасов С. В.* Сопоставительное изучение лексики дагестанских языков // Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992. С. 168–178.
- Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Оловяникова И. П.* Фрагменты грамматики хиналугского языка. М., 1972.
- Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Оловяникова И. П., Самедов Дж.* Опыт структурного описания арчинского языка. Том 1. М., 1977.
- Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Оловяникова И. П., Самедов Дж.* Арчинский язык: тексты и словари. М., 1977.
- Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971.
- Хайдаков С. М.* Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М., 1973.